

Руслан

Сетяшкин

БОЕВОЙ ДУХ ГЕНЕРАЛА ПАНФИЛОВА

Всем, кому хоть однажды посчастливилось побывать во всегда прекрасном, цветущем городе-саде Алматы, конечно, знаком и Парк имени 28 гвардейцев-панфиловцев, расположенный на внушительной по размерам, ухоженной, богатой достопримечательностями территории в Медеуском районе и являющийся ныне составной частью Алматинского государственного историко-архитектурного заповедника.

Парк этот, как известно, в 1942 году назвали в честь 28 гвардейцев-панфиловцев и их беспримерного подвига, совершенного в ноябре 1941 года в районе железнодорожного разъезда Дубосеково при обороне Москвы. А 7 мая 1975 года, в честь 30-летия Победы в Великой Отечественной войне, в торжественной обстановке член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаев разрежет алую ленту и откроет величественный Мемориальный комплекс славы борцам, павшим за свободу и независимость Родины.

С тех давних пор, что называется, много воды утекло... Но несмотря ни на какие политические ветры, способные, в зависимости от обстоятельств, резко менять своё направление, в настоящее время в этом замечательном парке находятся как сам Мемориал Славы, в рамках которого зажжён Вечный огонь, а в центральной части, носящей название «Подвиг», запечатлён образ героев-панфиловцев, так и отдельно установленные памятники Героям Советского Союза Ивану Панфилову и Бауыржану Момыш-улы, прославившимся поздней осенью 1941 года в боях на подступах к Москве.

Судьбы этих мужественных и бесстрашных людей сложатся по-разному. Прощагав через всю Великую Отечественную, полковник Бауыржан Момыш-улы возвратится в родной Казахстан и в дальнейшем посвятит себя писательскому труду, добившись в этом благородном деле значительных успехов, а вот его старший товарищ по оружию, единомышленник, командир и наставник, генерал-майор Иван Васильевич Панфилов, 130-летний юбилей со дня рождения которого пришёлся на начало января текущего года, к мирной жизни возвратиться уже не сможет, так навсегда и оставшись в числе самых известных защитников Москвы, отдавших за неё свою жизнь.

Ему, кадровому офицеру, генералу, большевику, основная часть жизни которого была связана с Красной Армией, приученному и привыкшему к образцовому несению военной службы, не единожды приходилось вдохновлять своих бойцов,

напутствуя их быть в бою смелыми, храбрыми, решительными, настойчивыми в выполнении боевых задач командования, готовыми пожертвовать за Родину своими жизнями.

Недаром генерал-майор Панфилов, имевший реальный боевой опыт, приобретённый ещё в годы Первой мировой и Гражданской войны в России, отличившийся затем в борьбе с басмачеством и на отлично окончивший Киевскую объединённую пехотную школу, а с 1938 по 1941 годы служивший военным комиссаром Киргизской ССР, дабы поднять боевой дух рядовых солдат и младших офицеров, в красноармейской газете «За Родину» 22 июля 1941 года писал:

«Прошёл месяц с того дня, как неожиданно и коварно напали на нашу родину фашистские изверги и людоеды, подло нарушив договор с СССР. Фашистские заправилы Германии мечтали молниеносным ударом выполнить свой кровавый план. Жестоко просчитались эти бандиты с большой дороги. Доблестная Красная Армия сдержала наступление фашистов, истребила их лучшие отборные силы и в героической борьбе продолжает уничтожать врага. <...>

Отбивая бешеное нападение фашистов, наша Красная Армия восхищает весь мир стойкостью и беспримерным героизмом.

В этих ожесточённых боях за Родину нужна и наша помощь. Все силы, всё свободное время, все мысли должны быть направлены на боевую и политическую подготовку всех войсковых частей соединения вплоть до каждого отдельного бойца. Храбрость, честность, верность присяге, неустрашимость, готовность отдать за Родину, за Сталина свою жизнь в битве с врагом – вот качества бойца, обеспечивающие полную победу над врагом. Каждый боец должен чётко знать своё место, в совершенстве владеть боевой техникой, быть выносливым и стойким в любой, самой трудной боевой обстановке.

Храбромu нигде нет преград. Ему ничто не страшно. Храбрый всюду пройдёт и добьётся победы. <...>

Паникёрство и трусость чужды духу советского народа, чужды славным героическим традициям Красной Армии. Трус, паникёр – предатель, изменник Родины. Он неизбежно позорно погибнет сам, но он может погубить и товарищей. Трусу и паникёру нигде нет и не будет пощады. Только выдержка и храбрость создают условия победы. Тогда ничто не поможет успеху врага.

Советский народ, объединённый, как никогда, вокруг товарища Сталина, ведёт священную Отечественную войну. Прошёл месяц со дня начала этой войны. Впереди ещё предстоят грандиозные схватки с врагом.

Каждый красноармеец должен в кратчайшие сроки с максимальным напряжением сил готовить из себя бесстрашного героя, сталинского сокола, достойного сына великой социалистической Родины».

Разумеется, Панфилов, формулируя эти искренние, напутственные и в общем-то незамысловатые слова, в которых рефреном проходила мысль о необходимости каждому красноармейцу быть готовым к самопожертвованию во имя Советской Родины, меньше всего думал о личной гибели на этой, месяц как начавшейся войне. И не только потому, что был в действительности человеком храбрым, неустрашимым и имевшим хорошую теоретическую и практическую военную подготовку, позволявшую ему в условиях войны принимать выверенные решения и командовать подчинёнными, а в силу того, что как опытный офицер, ни на минуту не сомневавшийся в победе советского социалистического строя над германским

фашизмом, просто не подпускал к себе пессимистические мысли-гадания, по большому счету недостойные сильного, волевого, не сомневающегося в правоте своего дела мужчины, тем более боевого офицера, к тому времени удостоенного двух орденов Красного Знамени.

Здесь же принципиально важно подчеркнуть и то, что Панфилов, как человек высокой военной культуры, воспитывавший воинов в духе презрения к смерти и готовивший их к постижению высокого долга перед Родиной, эту воспитательную деятельность проводил с сугубо коммунистических позиций, составлявших реальную основу тогдашнего общественно-политического строя, на защиту которого в июне 1941 года и встала доблестная Красная Армия, а вместе с ней и абсолютное большинство советских граждан.

Посему, дабы быть объективным и придерживаться исторической достоверности, следует сказать, что Панфилов был убеждённым коммунистом и ответственным, дорожившим своей партийностью членом ВКП(б). В партию он вступил в августе 1920 года и по словам своей супруги Марии Ивановны Панфиловой на протяжении всей жизни «...оставался твёрдым и убеждённым большевиком, беспредельно преданным делу партии, делу родного народа». А в годы пребывания на посту военкома Киргизской ССР Иван Васильевич избирался к тому же членом ЦК КП(б) Киргизии, членом Фрунзенского областного и городского комитетов партии, депутатом Верховного Совета Киргизской ССР.

Пишу же о принадлежности генерал-майора Панфилова к большевистской партии так подробно ещё и по той причине, что в постсоветское время практически на всём нашем бывшем советском пространстве, во многих литературных источниках, особенно публицистического характера, повествующих о конкретных исторических личностях, живших и заявивших о себе в советскую эпоху, стало принято, что ли, об их партийности тактично умалчивать. Верен ли такой подход, судить не берусь. Возможно, он более применим к людям творческих профессий. Но уж ежели рассказ ведётся о крупном военачальнике тех лет, формировавшемся в 20-е – 30-е годы прошлого столетия, самостоятельно добившемся заметного положения в Красной Армии, где весь руководящий состав состоял в партии, – то не сказать об убеждениях и партийности Панфилова было бы в корне неверно. К сему также пристало обязательно сказать, не вдаваясь в какие-либо пояснения, что для него непререкаемым авторитетом, естественно, был и товарищ Сталин, что наглядно просматривалось в его письмах и других документах, правда, до той поры, пока они, в рамках антисталинской кампании, объявленной резвым преемником вождя, не подверглись соответствующей цензуре.

А вообще-то, даже при том, что имя Ивана Панфилова вроде бы хорошо известно и в России, и в Казахстане, и в Кыргызстане, и за их границами, сегодняшние граждане наших стран, в основной своей массе, о нём знают либо поверхностно, либо не ведают вовсе. Ну, разве, слышали лишь его фамилию.

Откуда народилось такое массовое межгосударственное и межнациональное беспамятство, в настоящем очерке обсуждать не станем. Тема эта, как мне представляется, если не привязываться только к личности Панфилова, слишком непростая, чрезвычайно обширная, затрагивающая многие глубинные основополагающие скрепы нашего жизнеустройства и требующая, без сомнения, отдельного и обстоятельного рассмотрения. Скажу лишь о том, что, увы, с этим пресловутым беспамятством бороться ой как непросто. Но вести эту борьбу жизненно необхо-

димо, так как Иваны, не помнящие родства, – не такое уж и безобидное явление, как кому-то на первый взгляд может показаться. И преуменьшать его негативное влияние на процесс воспитания и формирования сегодняшних граждан, а также и будущих поколений, ни в коем случае нельзя. Да и за примерами, наглядно раскрывающими существо данной проблематики, далеко ходить не надо.

Кем же был генерал-майор Панфилов и почему его продолжают до сих пор чтить в России, Казахстане и Кыргызстане?

Начнём, пожалуй, с того, что о Панфилове гражданам огромной страны стало известно после того, как о 8-й гвардейской дивизии, им возглавляемой, на страницах главной газеты Советского Союза «Правды» 19 ноября 1941 года была опубликована большая статья, получившая название «Боевая орденоносная», автором которой являлся военный корреспондент «Правды» и фактический руководитель Союза советских писателей Владимир Ставский.

«С глубоким и радостным волнением узнали все фронтовики, все советские патриоты о переименовании ряда дивизий в гвардейские дивизии, – писал известный в Союзе писатель и публицист. – В боях за Родину, в боях против полчищ немецких захватчиков выросла и растёт славная советская гвардия, нанося жестокие удары немцам, обращая их в бегство, наводя на них ужас.

В числе других переименована в 8-ю гвардейскую дивизию 316 стрелковая дивизия, которой командует генерал-майор Иван Васильевич Панфилов. Указом Президиума Верховного Совета СССР дивизия награждена орденом Красного Знамени за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество. <...>

Вторая декада октября. Немецко-фашистские орды рвутся вперёд. У врага явное численное превосходство, особенно в танках. Участок дивизии исключительно важен. Здесь – одна из магистралей, автострада. Здесь – железная дорога, узел большаков. Немцы все это учитывали. На это направление они бросили три пехотных дивизии, одну мотодивизию и одну танковую дивизию, много авиации.

Основные силы немецкой группировки действовали против 316-й стрелковой дивизии. Её боевой участок оказался во много раз больше установленных норм и не был подготовлен к обороне. Работы по оборонительным сооружениям здесь были лишь намечены.

– Мы пришли и сели на колышки! – с усмешкой вспоминает Иван Васильевич Панфилов. – Разметка сделана, а копать ещё не начинали!

Командование дивизии отчётливо представляло себе всю сложность обстановки и ответственность, выпавшую на их долю. Генерал-майор Панфилов – старый солдат, с 1915 года он на войне, был унтер-офицером и фельдфебелем царской армии, дрался с немцами на Юго-Западном фронте. В гражданскую войну Панфилов служил в дивизии Чапаева – командовал вначале взводом, потом батальоном. Два ордена Красного Знамени горят на его груди. В ВКП(б) вступил в 1920 году на фронте. Сейчас ему 48 лет. В коротко подстриженных волосах его широкое серебро седины. Невысокого роста, Панфилов подтянут, подвижен. На смуглом, чуть скуластом лице выражение уверенности, силы, а в часто возникающей усмешке, усмешке бывалого, выдавшего виды солдата, светится и природный глубокий ум, и пронизательность, и неистребимо весёлое лукавство.

Генерал-майор принял решение: вести активную оборону, закрыть фланги, на решающих направлениях создать сильные противотанковые узлы с глубиной. И, что он считал особо важным, создать и держать в руке сильный резерв – заградительный отряд с тем, чтобы в любой миг бросить его в окружаемое направление, на опасный участок.

В борьбе против атакующих немецких танков блестяще действовали три противотанковых полка, приданных дивизии и поддерживавших пушечный полк. Генерал-майор Панфилов, не выпуская из рук управления, смело подчинял на время стрелковые части и подразделения артиллерийским командирам, и в данной обстановке это было единственное правильное решение.

Так же правильно и своевременно закрыл он свои фланги. А когда немцы угрозой нависли на левом фланге, он быстро и плотно закрылся резервом – заградотрядом. И тотчас же создал снова, хотя и меньший, но стойкий резерв, оторвав буквально по роте всюду, где только была возможность. И когда танки врага просочились в обход к командному пункту дивизии, они напоролась на организованный отпор, ничего сделать не смогли и отошли, оставив горящими несколько машин.

Пристального внимания заслуживают противотанковые узлы обороны дивизии, расположенные на решающем направлении, их значительная глубина. Это построение дало возможность наносить немцам тяжёлые удары и огромные потери. Несмотря на всё их численное и техническое превосходство, немцы были задержаны на несколько дней, которые были нужны командованию армии для соответствующих мероприятий.

8-я гвардейская дивизия молода. Личный состав её в подавляющем своём большинстве воюет впервые. Поэтому командование дивизии – генерал-майор Панфилов и комиссар дивизии старший батальонный комиссар Сергей Алексеевич Егоров – особое внимание обратило на изучение всего личного состава, его подготовку. Во фронтовых условиях во всех частях и подразделениях была организована глубокая планомерная учёба. <...>

Не пересказать всех подвигов бойцов, командиров и политработников 316-й стрелковой – ныне 8-й гвардейской дивизии.

Отбивая, изматывая, уничтожая живую силу противника, дивизия ведёт бои второй месяц подряд. В самые тяжёлые для себя дни дивизия не давала немецким панцирным ордам продвигаться больше, чем на километр-полтора. И это ценой потоков немецкой крови, ценой многих десятков танков.

Немецкое командование давно уже заменило одну танковую дивизию, истрёпанную на этих рубежах, другой, подтянуло из глубины ряд других дивизий. А славная дивизия Панфилова по-прежнему зорко и грозно обороняет дальние подступы к Москве».

Что же из данного подробного описания, представленного в «Правде», которую в то время читали миллионы советских граждан, следует вынести нам? Прежде всего то, что к началу Великой Отечественной войны Панфилов являлся человеком зрелым, ему в январе 1941 года исполнилось 48 лет, и за плечами у него была целая непростая жизнь, насыщенная многими знаковыми событиями, о которых никогда не забывал ни он сам, ни его родные и близкие.

Уроженец маленького городка Петровск Саратовской губернии, появившийся на свет в семье мелкого конторского служащего, он уже в одиннадцатилетнем

возрасте, после того как от чахотки умерла его мать, вынужден был пойти на заработки. *«С двенадцатилетнего возраста я стал жить своим собственным трудом по найму в городе Саратове»*, – вспоминал впоследствии Иван Васильевич.

С ранних лет, начав обучаться в городском трёхклассном начальном училище, которое он так и не окончил, мальчик тем не менее пристрастится к чтению. А позже, когда он повзрослеет, любовь к литературе превратится для него, как выскажется в книге воспоминаний его жена М. Панфилова, «в какую-то неистовую страсть». *«...он стал читать всё без разбора, – писала Мария Ивановна – Иногда попадались произведения о военных походах, жизни и победах великих полководцев. Юноша настолько пристрастился к чтению, что никаких денег на покупку книг ему уже не хватало, он стал брать их в библиотеке Народного дома, вскоре стал одним из самых активных её читателей»*.

Прожив в Саратове более десяти лет, в 1915 году Панфилов, работавший тогда приказчиком у саратовского купца С. К. Боголюбова, призывается на военную службу.

Отучившись в учебной команде в городе Инсаре, Панфилов был отправлен в чине младшего унтер-офицера на фронт, в 638-й Ольгинский полк, входивший в состав 16-го корпуса 7-й армии Юго-Западного фронта.

Полк, в котором служил Панфилов, был в числе участников известного Брусиловского прорыва 1916 года, в результате которого австро-венгерским войскам было нанесено тяжёлое поражение.

Вспоминая о том времени, Иван Васильевич рассказывал: *«Интересно отметить, что случаи братания с австрийцами имели место до Брусиловского прорыва, ещё в апреле 1916 года. Моральное состояние австро-венгерских войск было невысоким, и нежелание воевать высказывалось открыто. Боеспособность русских солдат перед началом прорыва была выше австро-венгерской, но и мы чувствовали огромное утомление войной»*.

Не пройдёт и года, как фельдфебель Ольгинского полка Панфилов двинется на свою малую родину, в Поволжье. Целый месяц ему придётся добираться до Саратова, где он приступит к работе в военном отделе Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов, а затем станет добровольцем первого Саратовского полка, влившегося в 25-ю стрелковую дивизию, которой с апреля по сентябрь 1919 года командовал легендарный Василий Чапаев.

«Об этом периоде своей жизни он всегда вспоминал с большим душевным волнением, – писала в книге воспоминаний Мария Ивановна. – Семья у нас была немаленькая: Иван Васильевич, я, пятеро ребят. Бывало, в свободные минуты, которые выпадали не так уж часто, мы собирались за обеденным столом или рассаживались на большом, как его звали у нас, семейном диване. Старшенькие наши Валентина и Александр (речь идёт о племяннике Марии Ивановны Александре, который также воспитывался в их семье. – Р. С.) пристают к отцу с расспросами:

– Папа, а ты Чапаева видел? Расскажи про него.

– Не только видел, но и воевал вместе с ним против белогвардейцев, за Советскую власть... <...>

О Чапаеве Панфилов всегда рассказывал с необычайным воодушевлением, гордясь тем, что ему посчастливилось воевать под командованием легендарного начдива.

– У нас не было техники, – вспоминал Иван Васильевич, – в то время как перед нами были вооружённые до зубов и хорошо обученные офицерские части. Но ведь в бой нас вёл Чапаев... Стремительно, неудержимой лавиной несутся конники по степи. Обнажены клинки. Впереди – Чапаев. Редко кому удавалось спастись от лихих и всегда неожиданных чапаевских ударов...»

Кстати, в своей книге Мария Панфилова обращала внимание и на тот факт, что в годы Великой Отечественной войны старший сын Чапаева Александр Чапаев воевал под командованием Панфилова в составе легендарной 316-й стрелковой дивизии, переименованной в 8-ю гвардейскую, дослужившись в послевоенные годы до звания генерал-майора. При этом она упоминала и их с Иваном Васильевичем сына, Владилена Панфилова, пошедшего по отцовским стопам и завершившего службу, насколько мне известно, в звании полковника.

В рядах чапаевской дивизии Панфилов будет отважно сражаться против восстановленного чехословацкого корпуса, а также войск белогвардейских генералов Дутова и Деникина, адмирала Колчака, белополяков, банд Булак-Балаховича. А уже в 1921 году за боевые успехи на фронтах Гражданской войны Ивана Васильевича наградят орденом Красного Знамени.

Значительной вехой в жизни Панфилова обернётся его добровольное желание отправиться в феврале 1924 года в Среднюю Азию на борьбу с басмачеством, продолжавшим в те годы оставаться, хотя и разношёрстной, но всё же грозной и довольно опасной силой. По сути же, именно этот большой регион, раскинувшийся на территории сегодняшних Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана, Таджикистана и звавшийся в молодой Советской России по старинке Туркестаном, станет для Ивана Васильевича не только близким и родным, но, что куда важнее, с его бескрайних просторов начнётся путь Панфилова в бессмертие...

В Средней Азии Панфилову довелось нести службу в Ташкенте, Ашхабаде, Хороге, Уч-Кургане, Андижане, Кушке, Коканде, Оше, Фергане, Мерве, Термезе, Чарджоу, Фрунзе... И везде он проявлял себя с лучшей стороны, показывая готовность к выполнению ответственных задач и мобилизации подчинённых, видевших в нём человека и командира, достойного уважения и являвшегося для них примером образцового несения воинской службы.

Вспоминая те годы, ознаменовавшиеся частыми переездами к новым местам службы, а также отдельные эпизоды, связанные с ликвидацией басмаческих банд, и тепло отзываясь о самой товарищеской атмосфере, царившей в частях Среднеазиатского военного округа, Мария Ивановна отметит и такую любопытную частности, зримо характеризовавшую Панфилова как добросовестного, ответственно, настойчивого, решительного командира.

«Работа Ивана Васильевича на Памире была отмечена Почётной грамотой, в которой сказано: “За участие в боях против банд басмачей Ибрагим-бека и Джунаид-хана и освобождение народов Востока от колониального рабства, за проявленные мужество и отвагу, за активное участие в проводимой отрядом политико-воспитательной работе, за личное участие в проводимых мероприятиях клуба Ленинского уголка, в редакционной и издательской работе отряда. Вы не только помогли воспитывать бойцов, но и служили живым примером активиста для остального начальствующего состава и красноармейцев отряда”.

Здесь, на Памире, Иван Васильевич был награждён ещё одним орденом Красного Знамени».

Панфилову в действительности до всего было дело. Его интересовали не только вопросы сугубо военного характера, не менее занимало Ивана Васильевича и то, как повышался идейно-политический уровень солдат, как решались вопросы их снабжения и организации бытовых условий. Это по-настоящему отеческое отношение к рядовому составу, а также ко всем подчинённым, да и в целом к каждому отдельно взятому человеку особо проявится в годы службы Панфилова военным комиссаром Киргизской ССР, и, конечно, в то время, когда он в Алма-Ате сформирует свою легендарную дивизию и смело поведёт её в бой. Недаром же бойцы дивизии станут любя называть его отцом или ещё более по-простому – батей, вкладывая в это слово безграничное уважение к своему командиру, оказавшемуся для них во время суровых испытаний мудрым, прозорливым, добрым, но строгим, справедливым отцом, наставником, руководителем, которому они всецело доверяли и верили.

Кстати, в должности военкома Киргизии, первоначально ему незнакомой и недостаточно в полной мере представляемой, Панфилов, который, казалось бы, воспринимался лишь в качестве строевого командира, проявит себя и блестящим организатором, и грамотным политработником, и чутким воспитателем будущей смены, подлинный облик которой во всей человеческой красе развернётся через каких-то пару лет, с началом Великой Отечественной войны.

Для самого же Панфилова Великая Отечественная начиналась с того, что ему было приказано сдать дела военного комиссара Киргизской ССР и выехать в столицу Казахской ССР для формирования там стрелковой дивизии.

«Приехав в Алма-Ату, Иван Васильевич прямо с вокзала направился в Центральный Комитет Коммунистической партии Казахстана, – вспоминала Мария Ивановна. – Доложил, что ему приказано немедленно приступить к формированию стрелковой дивизии, и как-то уже совсем по-граждански добавил:

– Прошу, товарищи, оказать помощь в выполнении этого поручения...

И он тут же изложил свои просьбы.

– Первая и самая главная просьба – это в отношении людей. Дайте нам в дивизию больше хороших коммунистов и комсомольцев. Давайте как можно больше, всех заберём, никому отказа не будет.

Иван Васильевич с первых же слов как-то сразу расположил всех к себе, и в кабинете, где происходила эта встреча, установилась деловая и вместе с тем душевная атмосфера. Генерал изложил свои соображения, касавшиеся размещения частей дивизии, продовольственного снабжения. Когда Панфилов говорил о необходимости привлечь к культурному обслуживанию воинов лучшие театральные и музыкальные коллективы казахской столицы, у него как-то сами собою вырвались грустные слова:

– Песня для солдата – великое дело. Может, для многих она будет последней...

И для всех присутствовавших на этой встрече стало ясно, как глубоко человек генерал Панфилов, как отчётливо понимает он свою ответственность за порученное дело, как горячо любит свою страну и свой народ, как умеет он дорожить солдатами, которых предстоит ему вести в бой».

С непростой задачей формирования дивизии Панфилов, что подтвердили все последующие события, оваянные славными подвигами его солдат и командиров, справился на отлично, хотя трудностей ему пришлось в действительности преодолеть немало.

Мария Панфилова, продолжавшая с детьми оставаться в городе Фрунзе и трудившаяся там председателем одного из райисполкомов, по просьбе Ивана Васильевича, незадолго до его отправки на фронт, сумела, прихватив с собой детей, выбраться к мужу в Алма-Ату.

«Иван Васильевич несказанно обрадовался нашему приезду. Он горячо и совершенно искренне одобрил решение Валентины отправиться на фронт.

– Молодец, Валюша, – сказал Иван Васильевич. – Значит, ещё один солдат от нашей семьи! Работы на фронте много. Начнёшь с медицинской сестры. Во время боя роль медицинской сестры очень велика. Справишься? Не побоишься выносить под огнём и перевязывать раненых?

– Где ты будешь, отец, там буду и я, – ответила Валя. – Не бойся, не струшу... В тот же день Валентина Панфилова была направлена в медико-санитарный батальон дивизии и приступила к работе в качестве медицинской сестры.

Я не могла задерживаться долго в Алма-Ате: дома ждали неотложные дела. Мы говорили с Иваном Васильевичем и никак не могли наговориться. В тот вечер один-единственный раз за всю нашу долгую совместную жизнь Иван Васильевич пожаловался мне на то, как трудно ему и как он смертельно устал.

– Ты же понимаешь, Мурочка, – говорил Иван Васильевич, – что любое дело начинать трудно, нужен как бы разбег. А тут никакого разбега, с самого начала надо брать высокие темпы. Начали с нуля и в течение месяца создали дивизию. В обычных условиях на это ушли бы многие месяцы. Откровенно скажу: мне повезло. Такой замечательный у нас в дивизии получился состав командиров и политработников! Ведь на большинство из них, почти на каждого, могу смело положиться во всем. А ты должна понимать, как важно это в бою... Недавно я проводил смотр и, понимаешь, остался доволен, – рассказывал он. – Правда, недоделок ещё очень много, придётся доучиваться на фронте, может быть. Но главное сделано, и я без колебаний поведу своих орлов в бой... Прошу тебя, дорогая, не волнуйся за меня, не беспокойся, всё будет хорошо. Береги себя, береги детей...

Это была последняя в нашей жизни беседа с глазу на глаз. Зная ещё со времён борьбы с басмачами, как отважно и лихо Иван Васильевич бросался в самые жаростные, жаркие схватки, пренебрегая своей безопасностью, я просила его быть осторожным, беречь себя, беречь нашу Валюшу. Он внимательно слушал меня и говорил с величайшей убеждённостью:

– Война – это война, всякое может стать. Но я верю, что мы разобьём фашистов, и мы с Валюшей вернёмся с победой».

Вернуться с победой Ивану Васильевичу, к великому сожалению, было не суждено. Но всё, что от него как от командира зависело, он организовал и исполнил безукоризненно, профессионально, вложив в каждое дело или начинание частицу своей души.

Осенью 1941 года германское командование предприняло две попытки наступления на Москву. 2 октября армии противника начали свой первый поход на столицу. Москва являлась для них по соображениям как военного, так и политического порядка ключевой мишенью, поражение которой стало бы для безумного Гитлера подтверждением силы и мощи германского оружия и всего его кровавого строя.

Среди тех, кто стал у них на пути, была и руководимая Панфиловым 316-я стрелковая дивизия, прибывшая под Москву и занявшая рубеж близ Волоколамска.

К этому рубежу 13 октября немцам удастся всё же пробраться. Учитывая важность позиций, занятых генералом Панфиловым, они на это направление бросят три пехотные дивизии, одну мотодивизию, одну танковую дивизию и много авиации. Панфиловцы же займут огромный фронт протяжённостью 44 километра.

Дивизия, руководимая бравым и опытным генералом, показывала в те тревожные дни примеры стойкости, храбрости, мужества, упорно отстаивая каждую пядь советской земли. Активно сопротивляясь численно превосходящему противнику, панфиловская дивизия перемалывала фашистские полки и дивизии. Семнадцать суток панфиловцам пришлось сдерживать ненавистного врага, равнявшегося к Москве. Но за эти две с небольшим недели непрерывных боев дивизия разгромит три пехотных и одну моторизованную дивизию противника и почти целиком уничтожит две танковых. *«Чем больше была опасность, тем спокойнее и хладнокровнее принимал решение генерал-майор Панфилов, тем сильнее были его удары по врагу»*, – вспоминал батальонный комиссар М. Рутэс.

13 ноября 1941 года Панфилов, несмотря на все каждодневные тяготы, выпадавшие на его военную долю, находившийся в хорошем настроении и не терявший оптимизма, в письме жене писал: *«Мура, ты, вероятно, не раз слышала по радио и очень много пишут в газетах о героических делах бойцов, командиров и в целом за мою часть. То доверие, которое оказано мне – защита нашей родной столицы, – оно оправдывается. Ты, Мурочка, себе представить не можешь, какие у меня хорошие бойцы, командиры – это истинные патриоты, бьются, как львы, в сердце каждого одно – не допустить врага к родной столице, беспощадно уничтожать гадов. Смерть фашизму!»*

Мура, сегодня приказом фронта сотни бойцов, командиров дивизии награждены орденами Союза. Два дня тому назад я награждён третьим орденом Красного Знамени. Это ещё, Мура, только начало. Я думаю, скоро моя дивизия должна быть гвардейской, есть уже три героя. Наш девиз – быть всем героями. Мура, пока. Следи за газетами, ты увидишь о делах большевиков».

Следить за газетами, впрочем, ей пришлось недолго. 16 ноября фашистами будет предпринято повторное наступление. В своём приказе Гитлер тогда потребовал «разделаться» с Москвой любой ценой. Для выполнения этой задачи немцы стянут под Москву треть войск действующей армии, создав таким образом живую машину, напичканную людьми и техникой, продвигавшуюся резво и нахраписто.

И первый удар примут на себя бойцы дивизии генерала Панфилова. Это они сорвут планы фашистов, намечавших прорыв фронта у железнодорожного разъезда Дубосеково, открывавшего путь на Москву. Да, те самые 28 панфиловцев во главе с политруком Василием Георгиевичем Клочковым, которые в течение четырёх часов будут вести отчаянный бой и уничтожат 18 танков, в результате чего врага к Москве так и не пропустят. Те легендарные панфиловцы, о которых вскоре узнает вся необъятная страна и о которых выдающийся русский поэт Николай Тихонов сочинит поэму «Слово о 28 гвардейцах».

На следующий день, 17 ноября 1941 года, указом Президиума Верховного Совета СССР 316-я стрелковая дивизия за образцовое выполнение боевых заданий, за доблесть и мужество будет награждена орденом Красного Знамени и преобразована в 8-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которой также присвоит имя генерала Панфилова. Отныне слово «панфиловец» станет символом чести, доблести и героизма.

Но совсем скоро, через каких-то пару дней, дивизия понесёт невосполнимую утрату. Смертью храбрых падёт её командир, отец и мудрый наставник Иван Панфилов, за которого жизнь готов был отдать каждый боец дивизии...

О том же, как погиб прославленный генерал и как его проведут в последний путь, в своём письме матери, датированном 20 ноября 1941 года, расскажет дочь Ивана Васильевича Валентина Панфилова: «18 числа в центральной газете было опубликовано о присвоении 316-й дивизии, которой командовал отец, звания гвардейской и о награждении 8-й гвардейской дивизии им. Панфилова орденом Красного Знамени. Это было великой радостью для всей дивизии. Отцу было очень приятно, что труды его не пропали даром. В эти дни шли жестокие бои. Подошло крупное подкрепление танков противника, авиации и пехоты. Завязался неравный бой. Отец был всюду. Где грозила наибольшая опасность, там он принимал командование на себя, воодушевляя своей смелостью и решительностью бойцов и командиров.

И вот на одном из участков, где враг особенно начал теснить танками, появился отец; он начал командовать сам, принимая быстрые решения. Начался обстрел деревни из миномёта, не переставали умолкать и танки, осыпая свинцовым дождём деревню. Мины ложились по ту сторону дома, трассирующие пули ложились у ног, путь к отступлению был отрезан. Отдав боевой приказ, он вышел из дома посмотреть, где и откуда ложатся мины. И вот его настиг минный осколок. Осколок пробил грудь нашего славного командира, нашего отца – отца дивизии. Был тут армейский врач, но спасти его жизнь не удалось: осколок пробил крупные сердечные сосуды. <...>

Спустя некоторое время мы получили известие, что отец находится у нас в госпитале, и я с комбатом отправилась туда к отцу. В живых его не было.

Но он лежал с улыбкой на лице, и долго мне не верилось, что он скончался.

Трудно описать картину эту.

На следующий день из штаба армии дали телеграмму в Комитет Обороны. И когда тов. Сталин узнал о смерти тов. Панфилова, то он лично поручил Мехлису ответить, что генерал-майора, героя тов. Панфилова похоронить в Москве.

Гроб был установлен в большом зале ЦДКА.

Лежал он весь в цветах, были венки от Наркомата Обороны и отовсюду. В почётном первом карауле встали: я и ещё три генерала. <...>

Был торжественный вынос, выносила последняя смена почётного караула.

На улице у выхода были построены бойцы и командиры различного рода войск. Все они отдали прощальный салют. <...>

Выступали из Комитета Обороны. Генерал-лейтенант сказал о тяжёлой утрате славного командира и отца восьмой Краснознамённой дивизии... Выступили бойцы нашей гвардейской дивизии, указавшие, что он для нас был не только хорошим командиром, товарищем, но он для нас был отцом – отцом нашей дивизии».

Уже через неделю газета «Советская Киргизия» опубликовала письмо М. Панфиловой, в котором она писала: «Я глубоко уверена, что доблестные воины славной гвардейской орденоносной дивизии жестоко отомстят презренным, проклятым фашистам за смерть своего командира, моего мужа. Он любил своих бойцов, он писал мне, что они дерутся как львы. Бойцы отвечали своему командиру тем же чувством горячей преданности. <...>

Когда боевые товарищи похоронили моего мужа в Москве, командование предложило Вале вернуться домой ко мне. Но Валя отказалась сделать это. Она взяла отцовский наган и торжественно поклялась вместе с бойцами и командирами восьмой гвардейской орденосной дивизии бить, истреблять врага без всякой пощады.

Правильно сделала, моя дорогая Валечка. Ты поступила, как подлинная дочь народа, в груди которой бьётся сердце патриотки...»

Валентина Панфилова данной ею клятвы не нарушила. Через всю войну она пронесёт память об отце и добросовестно будет исполнять свой воинский долг, делая все от неё зависящее. А уж после войны судьба направит её в Казахстан, в Алма-Ату, в тот южный город, откуда начинался путь генерала Панфилова, удостоенного 12 апреля 1942 года звания Героя Советского Союза, в бессмертие, которое он заслуженно приобрёл, оставаясь в анналах народной памяти и поныне.

Там-то Валентина и свяжет свою жизнь с Бахытжаном Байкадамовым, будущим известным казахским композитором, основоположником хорового пения в республике, заслуженным деятелем искусств Казахской ССР. А позже в их семье родятся три дочери – Айгуль, Балдырган и Алуа Байкадамовы, ставшие впоследствии в родном Казахстане уважаемыми людьми, добившимися успехов в различных сферах жизни, достойно продолжившими род Байкадамовых и, конечно, род Панфиловых, потомки которого живут и в России.

Жизненный путь Ивана Панфилова был непродолжительным. Но имя своё в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками он обессмертил, и обессмертил навсегда. Проходят годы, десятилетия, давно уже ушли из жизни сверстники, сослуживцы, друзья, товарищи, члены семьи, родные и близкие генерала. Однако продолжают на земле жить его потомки и продолжает жить добрая, светлая, наполненная неподдельным патриотизмом память о нём, которую никак нельзя отменить, замолчать или высветить в ином свете, противоречащим правде истории.

Вспоминая этого достойного сына некогда единой Отчизны, а духовное единство наших народов, думается, продолжает жить и сегодня, в совершенно иных общественно-политических условиях; всматриваясь в выразительное русское лицо этого народного заступника, очередной раз убеждаюсь, – нет, ничто в его героической жизни не было напрасным!

Завершить же настоящие заметки хочется словами замечательного казахстанского поэта и прозаика, народного писателя Казахской ССР Дмитрия Снегина, написанными им на смерть генерала (стихотворение «Генерал Панфилов») и опубликованными в газете «Казахстанская правда» в конце января 1942 года.

Нет, никогда гвардейцы не забудут

Его дела и облик волевой.

Он с нами, генерал Панфилов, всюду...

Он и теперь ведёт нас в жаркий бой.

Только вот, всё же, пускай он нас ведет не «в жаркий бой», а по волнам памяти, так как ничего, что пережили наши народы-братья, мы забывать не вправе!

г. Симферополь

